

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Семья наша по тем временам жила крепко, но батька из страха в колхоз вступил. Дядька Володя ругал его и смеялся над ним, но дядьку раскулачили и увезли куда-то, а мы остались, и мать была очень радая тому, что не тронули нас. Матерь Сибири боялась. Потом в домах есть не стало и начали все кругом пухнуть и мереть, но матерь и тогда не роптала: спасибо, хоть не в Сибири. За зиму и весну полхутора вымерло. Куда ни глянь – пухлые. Иные так пухли, что кожа прянь до мяса лопалась и сукровица бегла.

Нас семь душ детворы было, мы все попухли и перестали ходить ногами. Один Колька наш не пух, он самый маленький был и прокудливый. Маманя не знала, куда его деть – скрозь беду ищет. Выйдет матерь во двор чего-то делать, его за ногу привяжет к дереву, чтоб не заполз, вот он и лазит вокруг, как телёнок. Траву всю до самой земли выест. На другой раз мать его на новое место вяжет. Колька не пух.

Самое страшное – весну пережить, там легче. Мы пережили, но испухли ещё дюжей.

Как-то батька ушёл в ночь и явился с чувалом колосков. И радостный, и в страхе. Мы как подхватимся с коек. Мать давай нас лоскутом по своим местам загонять. И всю ночь они с батькой колоски те выколачивали да на ручной мельничке мололи в крупу. А нам сна нет. Один Колька и не прсыпался.

Утром только каша вскипела – вот он бригадир в дверях. Мать чуть не померла со страха, у отца ноги отнялись, неживой сидит. А каша так сладко пахнет – не утаить. Мы от того духа с ума чуть не сходим.

А бригадир, он хоть и строгий человек был, но человеком оказался хорошим. Он к нам по делу зашёл, на работу матерь и батьку кликать, – какая-то срочность была, ну а тут такое дело... Вот он тогда и говорит батьке:

«Ты, Игнатий, такое преступление совершил – голову отсечь мало! У кого ж ты воруюшь? У кого?! У советского нашего народа, который в беде...»

От таких слов на глазах состарились родители наши. Понурился батька, молчит. Матерь же пала пред бригадиром на колени, как на Спасителя смотрит, силится что-то сказать, да лишь воздух пустыми губами хватает.

А тот бранил-бранил, выбился из сил.

«Ладно, – говорит, – возьму грех на свою душу – утаю. Но вам бы меня послушать и

этим, – на нас указывает, – не боле как по черпачку выдать. Потом за силу возьмутся – добавьте».

Такой он добрый был человек, бригадир наш. Мать как обрадуется, что обошлось, так давай ноги ему целовать, а он откинул её коленом, переступил, да и ушёл. Вот лежит мать наша на полу, и смеётся, и плачет, и воет...

Как бригадир наказал, так и сделал отец: каждому по черпачку каши отмерил и давай с матерью на работу собираться. Идут из дому, а сами приказывают, чтоб до их приходу каши не трогать.

Что нам тот черпачок – проглотили и не заметили, а каша пахнет. Только отец-мать со двора, налетела братва моя к чугуну, да всё враз и умяли. А я пужливым был да послушливым, отцов указ не нарушил, а Колька малой совсем – ему не досталось, так мы с ним вдвох и выжили, и досель, слава Богу, живы ещё.